

13 апреля 1982 г.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарий НЕМЧЕНКО

СТО

ШАГОВ КИНОПОВЕСТЬ

В кабинете у директора завода идет совещание. За длинным столом сидят Перчаткин, Брагин, Ступин, главные специалисты завода, а также Зоя, которая работает старшим инженером в центральной заводской лаборатории. Здесь и начальник отдела капитального строительства Абрам Ушеревич Цинкер, маленький, подвижной человек, которому на вид можно дать и пятьдесят, и семьдесят.

Говорит Полосухин:

— Признаться вам совершенно откровенно, что я не ожидал... таких всесторонних и глубоких ответов... И в этом смысле со своей задачей... вы пока справляетесь, можно сказать, блестяще. Но я подчеркиваю: со своей задачей. Я же от имени руководства главка хочу поставить перед коллективом Сталегорского металлургического комбината сверхзадачу. Потому я и хотел бы, чтобы все здесь присутствующие взглянули на дело именно с этой точки зрения... с точки зрения сверхзадачи, товарищи. Как, Александр Максимыч?.. Что скажете вы как руководитель?

— Мы вам назвали самый крайний срок... — не сразу откликнулся Перчаткин. — Оттягивать его еще дальше — значит идти на заведомый риск.

— Все так считают? — спросил Полосухин. — И вы, Юрий Петрович, так думаете?

Брагин замялся:

— У нас с Александром Максимычем всегда были разные мнения на этот счет. Имею в виду — риск. То, что он часто считает риском, на самом деле всего лишь смелый инженерный расчет.

— При чем же тут — смелый, если вы говорите расчет? — возразил Перчаткин. — Расчет может быть только верным или неверным...

Брагин пропустил мимо эту реплику.

— Я считаю, что для нас это, если хотите, вопрос чести. Металлурги мы или нет?! Инженеры или недоучки?

Все вдруг поняли, что с запасцем, который все-таки оставляли, придется распрощаться, что работать старая домна будет до самой последней, которая только теоретически возможна, минуты... И уже задвигались, уже засуетились, когда Цинкер, начальник отдела капитального строительства, словно бы что-то вспомнил и попросил слова таким голосом, будто рад был, что в последнюю минуту ему это удалось:

— Товарищи, дорогие!..

Никто не обратил особого внимания на этот глас вопиющего, привыкли, судя по всему, но Полосухин жестом усадил всех на места и жестом же, подчеркивающим старое его знакомство с заводскими кадрами, дал слово Цинкеру.

— Я вынужден снова поднять вопрос! — горячо начал Цинкер, — о сваях под полосой надвигки!

— Я полагаю, — усмехнулся Брагин, — что Карфаген должен быть разрушен!

Но Цинкер откликнулся на эту реплику живо:

— Да, товарищи, да!.. И я не устану это повторять, как бы Юрий Петрович тут надо мной не издевался. — Он шагнул к висевшему на стене снимку: — Две домны недалеко одна от другой — новая, старая. Но дело в том, что новая домна — эти четырнадцать тысяч тонн металла! — пойдет по дорожке, под которой лежат старые заводские коммуникации. Здесь ведь все вокруг было застроено, земли практически нет, одна начинка, как говорится. Потому-то сваи, которые строители били под путь передвигки... они в землю не полезли... входили в лучшем случае на одну треть, а остальные приходилось срубать... Проектный институт разрешение не подписывает.

— Это какой же институт? — спросил Полосухин.

— Московский Гипрофундамент, — ответил Цинкер.

— Известные перестраховщики, — развел руками Полосухин.

— Причем мне известно, что там уже успели подготовить три кандидатские диссертации на эту тему... А вот принять простое решение, — продолжил Цинкер, — не могут.

— Значит, все же — простое?! — спросил Васильев. — Я как-то по дороге на стройку достал из кармана калькулятор, просчитал все за десять минут, и с тех пор эти все споры мне — до лампочки!

— Этот вопрос надо закрыть, — подвел черту Полосухин. — И чем скорее, тем лучше.

Все снова задвигались.

— А ему, дорогой Юрий Петрович, все потому и ясно, — назидательно сказал все еще обиженный на главного инженера Цинкер, — что ему как раз не приходится иметь дело с таким количеством бумаг всякого рода!..

* * *

За окошком доктор Виктор Карлович Райх с поднятым от ветра воротником явно украдкой ведет под уздцы лошадь. Подходит с нею совсем близко к дому — горячей мордой лошадь тычется в заиндевевое стекло.

Ясно, что это свидание с лошады устроили для мальчика два добрых старика.

Максим прыгает, обеими руками машет лошади, потом, безжалостно вдавливая нос, прикикает лицом к окошку, и лошадь, явно волнуясь, раз и другой наклоняет голову, высоко поднимает одну ногу, потом другую.

— Окошко хочет выбить! — в восторге кричит Максим.

— Тс-с-с! — шепчет дед. — Ты ее учи, что ли?

— Почему я?.. Я окно не разбивал!

— Не разбива-а-а! — передразнивает дед. — А ты не мог не простужаться?.. Из-за тебя теперь и меня не выпускают!

— Не-а!.. Тебя из-за тебя не выпускают.

— Кто лучше знает?.. Ты или я?

— Меня ругаешь, а сам заболел.

— Это разные вещи, тиге!

— Не-а, бабушка говорит, если бы ты правильно вел себя, ты бы не заболел.

— Ты ее больше слушай!

— Совсем не слушать?

— Не в этом дело! — морщится дед. — Тебе сейчас нельзя болеть, потому что ты мой связной.

— Как это?

— А так. Встретит тебя, к примеру, человек и скажет: передай дедушке то-то и то-то. И ты должен передать.

— Согласен.

Веденин откидывается на подушку.

Торопливо уходит из-под окна доктор Райх с лошадыю...

* * *

Вслед за Брагиным Ступин вошел к нему в кабинет, оба сели, и Брагин тут же снял трубку, набрал номер:

— Зоя Николаевна? Брагин. У меня тут Ступин. Давайте-ка срочно к нам. Сверим часы, как говорится.

Сказал, как телеграмму отбил.

— У меня к ней вопросов нет, — сказал Ступин.

— Зато у меня есть.

Когда Зоя вошла, по ее лицу было совершенно ясно видно, что она не собирается прощать Брагину его поведение на совещании, которое вел Полосухин... А может быть, дело в чем-то другом?.. Более личном?

— В последнее время, Юрий Петрович, вы завалили меня работой, но я понимаю, что это производственная необходимость, поэтому делаю все, что в моих силах, — сказала она.

(Продолжение. Начало см. в №№ от 10 и 11 апреля с. г.).